

РАЦИОГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД Г. А. БАЛЛА

Памяти Г. А. Балла

М. С. Гусельцева
Психологический институт РАО,
Москва, Россия,
mguseltseva@mail.ru

Рациогуманистический подход Г. А. Балла рассматривается как концептуальная рамка, позволяющая интегрировать разные исследовательские позиции внутри психологии, в том числе ее естественнонаучные и гуманистические ориентации, и тем самым преодолеть пресловутый раскол на две науки, объяснительную и описательную, а также повысить качество коммуникаций психологии со смежными областями знания. Разработка рациогуманистического подхода и четкое выделение его методологических оснований делает такие коммуникации более продуктивными. К анализу данного подхода применяется методология латентности, нацеленная на осмысление не только проартикулированного автором концептуального содержания, но и вскрытие неочевидных и незамеченных тенденций. Показано, что рациогуманистический подход Г. А. Балла неявно содержит методологические основания, относящиеся к современной постнеклассической, трансдисциплинарной и интегративной эпистемологии.

Характерной особенностью рациогуманистического подхода является его гештальтность. Так, категория свободы в подходе Г. А. Балла не является обособленной, а раскрывает свой смысл в свете представлений о культуре, гуманизме, развитии личности и личностной надежности. Соединенные в общей категориальной сети, эти понятия совокупно создают тот эвристический контекст, который усиливает и порождает особые свойства остальных компонентов.

Ключевые слова: методология, рациогуманистический подход, трансдисциплинарность, культура, рациональность, гуманизм, свобода, личность, латентные тенденции, постнеклассическая психология, Г. А. Балл.

DOI: 10.7868/S1819265319010023

Для цитаты: Гусельцева М. С. (2019). Рациогуманистический подход Г. А. Балла // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 28–50.

Штрихи интеллектуальной биографии Г. А. Балла

Творческий путь Георгия Алексеевича Балла в психологии не типичен.

Родившись 24.05.1936 в г. Киеве, в 1957 г. он окончил электроакустический факультет Киевского политехнического института, с 1958 г. работал в Институте психологии им. Г. С. Костю-

ка АПН Украины, в 1964 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, а в 1991 г. – доктора психологических наук. Докторская диссертация «Основы теории задач (система основных понятий; психолого-педагогический аспект)» была опубликована в качестве монографии (Балл, 1990б).

Следует отметить, что Г. А. Балл являлся благодарным учеником Г. С. Костюка, посвятившим его памяти упомянутую монографию, а анализу творчества учителя – немало работ, в которых, в частности, показывал, что Г. С. Костюк оказывал посильное сопротивление идеологическому пресингу советского времени (Балл, 2006).

Если проблемой для многих ученых старшего возраста становится то обстоятельство, что защита докторской диссертации, обременение чинами и званиями влекут за собой загруженность административной работой, что препятствует дальнейшему интеллектуальному развитию, то для Г. А. Балла после защиты диссертации начался новый и довольно продуктивный период научного творчества, связанный с разработкой уже не столько проблем учебной деятельности и образования, сколько методологии и теории психологии, а также взаимодействия психологии со смежными науками, как естественными (математика, кибернетика, биология, физика), так и гуманитарными.

Таким образом, в интеллектуальной эволюции Г. А. Балла можно выделить три этапа научного творчества: 1) инженерный, 2) психолого-педагогический, 3) методологический и

гуманистический. Именно на третьем этапе был развит и концептуализирован рациогуманистический подход Г. А. Балла как один из образов интеграции познания в психологической науке.

Рациогуманистический подход и его латентные тенденции и предпосылки

Рациогуманистический подход Г. А. Балла не только не утратил актуальности в наши дни, но предстает едва ли не более востребованным, служа методологической рамкой интеграции психологического знания, что позволяет применять его для решения текущих задач современной психологии. Наряду с этим каждый психологический подход явно или неявно содержит в себе определенные аксиологические основания. Рациогуманистический подход Г. А. Балла опирается на ценности, как никогда значимые для становления современного (модернизированного и цивилизационного) общества. Это, прежде всего, ценности рациональности и гуманизма. Методологическим достоинством данного подхода является и соответствие самоназвания его исходным ценностным основаниям.

Согласно Г. А. Баллу, в психологии XX в. были распространены «взаимное непонимание и неприятие представителей разных течений», выражающееся в том, что «гуманистически ориентированные деятели третируют сциентистские ... направления в психологии как “психологию крысы” и “психологию компьютеров”,

а сторонники указанных направлений упрекают оппонентов ... в сползании к мистицизму и оккультизму» (Балл, 2006, с. 391). Преодолевая обозначенную дихотомию, радиогуманистический подход представляет собой интеграцию и гармонизацию методологических предпосылок естественнонаучной и гуманитарной психологии, а радиогуманизм, выступая стержневым принципом данного подхода, подразумевает сочетание гуманистической ориентации в психологии с принципом рациональности.

Г. А. Балл обращает внимание на различие гуманистической психологии в узком смысле, как конкретного направления в истории американской психологии 1960-х гг., и гуманистической психологии в широком смысле, которую именно радиогуманистический подход позволяет сконструировать методологически. Соответственно, в первом случае он предлагает вести речь о *гуманистической психологии*, а во втором – о *гуманистической ориентации в психологии*. Согласно Г. А. Баллу, именно гуманистический подход позволяет пройти между Сциллой бытия, формирующего сознание, где надежды на рождение нового человека возлагаются на реформирование, переустройство общества, и Харибдой сознания, конструирующего бытие, с его упованием на то, что нравственного совершенствования человека достаточно для преобразования социального мира.

Гуманистическая психология тесно сплетена с философией, антропологией и этикой. Значимую роль в

ней играют интуитивные прозрения. Если считать такое положение дел (философствование и интуитивизм) ее недостатками, то для компенсации существующего крена на помощь приходит как раз рациональный подход, принцип рациональности. Г. А. Балл предлагает распространить гуманистические принципы на отношения между разными психологическими школами и подходами, что соответствует постнеклассическому типу рациональности в психологии, понимаемому как отказ от доминирования тех или иных психологических теорий и стремление к взаимной согласованности психологического знания (Гусельцева, 2015).

Чтобы в полной мере оценить всю красоту методологической конструкции данного подхода, рассмотрим его эпистемологические предпосылки и основные теоретические положения.

Прежде всего Г. А. Балл обращает внимание на различие между гуманностью и гуманизмом. *Гуманность* (по-русски – человечность, по-украински – «людяність») – это присущее как отдельным личностям, так и целым сообществам свойство сопереживания всему живому и «презумпция доброго отношения к ним» (Балл, 2006, с. 306). *Гуманизм* же «представляет собой мировоззренческую ориентацию, имеющую корни в Античности, сформировавшуюся в эпоху Возрождения, развившуюся в эпоху Просвещения и приобретающую особую актуальность в современную эпоху, когда угрожающие человечеству глобальные проблемы обостряются из-за разнообразных конфликтов» (там

же, с. 301). Согласно такой трактовке, понятие гуманизма шире понятия гуманности, ибо оно включает уважение к индивидуальности, личной свободе и ценностями развития. В сфере образования это проявляется как *гуманизация образования*, предполагающая не только доброе отношение педагогов к ученикам, но и уважения к их индивидуальным особенностям, мнениям и стремлениям, а также заинтересованное и доброжелательное содействие становлению личности (Балл, 2006).

В свою очередь *принцип рациональности* является основой научного мышления, в котором система разработанных понятий выступает в качестве каркаса науки, служащего упорядочению дисциплинарных знаний, что необходимо для их практического использования, преподавания в качестве учебных предметов и продвижения науки. «Рационализация системы психологических понятий важна не только для укрепления единства психологии как науки, но и для развития ее связей с другими дисциплинами. В частности, при всей важности внедрения количественных методов в психологические исследования, их применение теряет ценность, если отсутствует должная четкость и определенность в качест-

венной характеристике исследуемых явлений, в используемом понятийном аппарате» (Балл, 2006, с. 125). Развивая принцип рациональности, Г. А. Балл подчеркивает важность четкого использования научного аппарата и недопустимость символизации тех или иных понятий (Балл, 2006)¹.

Отметим, что анализ ссылок в работах Г. А. Балла обнаруживает его широкую эрудицию, использование в осмыслении проблем психологии трудов известных философов и социологов, историков и теоретиков культуры. Так, например, Г. А. Балл ссылается на идеи современного философа культуры В. М. Межуева, который в своих работах доказывает, что несмотря на разнообразие сменяющихся друг друга и сосуществующих культур, цивилизация одна, и ее общечеловеческое развитие опирается на две традиции – становление гуманизма и научную рациональность. Если культурным вкладом древней Греция в историю человечества стал рационализм как ценность разума и рациональности; если древний Рим обогатил мир культурой права и правовой рациональностью; то идея гуманизма явилась совокупным плодом развития европейской культуры, постепенно распространяясь на все

¹ «...слова “управление”, “манипулирование”, “деятельность” по большей части используются педагогами и психологами для обозначения не научных, а житейских понятий. Но, учитывая отмеченную выше эмоционально-ценностную нагруженность последних, можно констатировать, что указанные слова служат при этом не столько терминами (т. е. знаками, обладающими достаточно четкими пред-

метными значениями и используемыми ради указания на такие значения), сколько символами, т. е. знаками, употребляемыми, главным образом, ради трансляции определенных смыслов (иначе говоря, ценностно окрашенной информации), которые с помощью таких знаков придаются обозначаемым ими предметам» (Балл, 2006, с. 63–64).

человечество. Таким образом, наука, право и гуманизм выступили реальным вкладом западной мысли в мировое развитие, сделавшись критериями современной цивилизации. Заложив основы современной цивилизации, включающей науку, формально-правовые начала светских форм жизни и гуманизм, Запад выработал единственно приемлемый на сегодняшний день способ совместного существования человечества (Межуев, 2012). Очертив этот круг идей, важно отметить, что радиогуманистический подход Г. А. Балла в психологии как раз опирается на эти базовые предпосылки современной цивилизации: рационализм, культура, свобода, гуманизм, личность.

Остановимся на них более детально.

Методологический треугольник Г. А. Балла: рационализм, гуманизм, культура

Итак, три кита радиогуманистического подхода – это принцип рациональности, ценности культуры и гуманизма. *Гуманизм* есть развертывание человеческих возможностей. *Рационализм* – опора на разум, необходимая и действенная сторона гуманизма. *Радиогуманизм* – интеллектуальная культура и наука в качестве взаимодействующих предпосылок развития человека. Все эти составляющие совокупно создают тот эвристический контекст, который выделяет, подчеркивает и позитивно усиливает свойства остальных компонентов. Так, например, рациональ-

ность в контексте ценностей гуманизма и культуры усиливается такими качествами, как гармоничность, диалектический разум, стремление к целостности, единство дискурса и интуиции, креативность и способность к синтезу. Одновременно вне культурного и гуманистического контекста негативной характеристикой рациональности становится сциентизм. Если в сциентистской парадигме рациональное противопоставляется интуитивному, то радиогуманистический подход воплощает их интеграцию и полноту.

Рационализм является важным условием, обеспечивающим приближение гуманистического мировоззрения и принципов к реальностям повседневности. Рационализм в трактовке Г. А. Балла, с одной стороны, подразумевает придание ценности в организации жизни разуму и рациональности, а с другой – рассматривается как позитивное качество современного (цивилизованного) человека. В свою очередь, рационалистическая традиция – это сплетение ценности разума с ценностями культуры, гуманизма, ответственности и свободы. Человеческий разум в концептуальных рамках радиогуманистического подхода рассматривается в качестве продукта культуры и ее эволюции. Личность в этом подходе, как мы увидим ниже, предстает в разных ипостасях, в том числе со стороны соотносимой с социальным бытием «личностной надежности». Культура личности рассматривается как система ее свойств с позиции субъекта культуры. В свою очередь, ин-

теллектуальная культура – это культура профессионала в той или иной области, возникающая в результате умственного воспитания и самовоспитания личности.

Таким образом, рациогуманизм опирается на интеллектуальную культуру и способности ее самовоспитания, и на этом пути подход Г. А. Балла может быть сопоставлен с работами философа и знатока античности Ф. Ф. Зелинского, рассматривавшего школьное образование в качестве постановки ума и выделявшего те же две цивилизационные традиции в эволюции человечества – античную рациональность и европейский гуманизм (Зелинский, 1995).

В ряде работ Г. А. Балл выделяет наиболее значимые черты гуманизма как мировоззренческой ориентации. Во-первых, это исходное убеждение, что человек призван реализовать свой продуктивный потенциал, чему могут способствовать благоприятные условия окружающей его среды, однако и в неблагоприятном окружении имеется шанс развития по принципу «не благодаря, а вопреки». Здесь гуманизм опирается на конструктивизм – способность человека к самостроительству и активному созиданию поддерживающей его субкультуры. Во-вторых, широта и разнообразие социокультурных средств, способствующих продуктивному человеческому развитию. В-третьих, опора на разум, обеспечивающая сознательные действия, направленные на раскрытие творческого потенциала личности и при этом учитывающие закономерности

естественного развития и функционирования организма. Таким образом, согласно Г. А. Баллу, рационализм выступает одной из сторон гуманизма, и именно это сближение двух традиций находит выражение в принципе рациогуманизма как основном стержне его подхода (Балл, 2006; 2013).

Для психологической науки разработка методологии рациогуманизма особенно значима в наши дни, поскольку позволяет совершенствовать как образовательные практики, так и общественные процессы. Если рационализм элиминирует ценности гуманизма и культуры, он выхолащивается и редуцируется к сциентизму и технократизму, и в таком случае в своих эволюционных пределах становится опасен для выживания человечества. Одновременно не опирающийся на принцип рационализма гуманизм ограничен в возможностях эффективно воздействовать на социокультурные и образовательные процессы. Рациональность – это не только логичность, успешность и эффективность в решении задач, но и культурная насыщенность мысли, и уважительное внимание к интуитивным процессам. Таким образом, в концептуальных рамках рациогуманистического подхода Г. А. Балл обосновывает представление о гармоничном интеллекте (то, что в восточной традиции получило название мудрости). Он цитирует Ф. Искандера, сопоставляя ум и мудрость: «Ум – это когда мы самым лучшим образом решаем ту или иную жизненную задачу. Мудрость обязательно сопрягает раз-

решение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обозримой связи... Умное решение может быть и безнравственным. Мудрое – не может быть безнравственным» (цит. по: Балл, 2006, с. 344). В этой связи имеет смысл вспомнить и Эпикура, некогда писавшего о гармоничности человеческого существования: нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно; то, что разумно, то приятно и нравственно (Эпикур, 1983). Таким образом, идея о глубинном единстве ценностей истины, добра и красоты представлена в истории философии от античности до наших дней. Эта идея также латентно содержится в рационалистическом подходе Г. А. Балла. Иными словами, не прибегая к конструктам, родившимся в контексте антропологического поворота социогуманитарных наук, Г. А. Балл оригинальным путем размышлений пришел к сходным методологическим позициям. Тем не менее, последние зачастую оставались в его работах неотрефлексированными и непроартикулированными именно в плане разработки постнеклассической эпистемологии.

Так, например, разновидностями антропологического поворота в эпистемологии социогуманитарного познания выступили так называемые культурные повороты (*cultural turns*). Немецкая исследовательница из университета Гиссена Д. Бахманн-Медик, показывая парадигмальную слож-

ность современно знания, отмечала их каскадность: антропологический поворот привел к череде эпистемологических поворотов в сфере наук о культуре, подобных кругам на воде от брошенного камешка, а те, в свою очередь, распространились на разные отрасли, определяющие современную исследовательскую практику, и повлекли за собой изменения «фокусировок», выразившиеся в «перформативном, пространственном, постколониальном, иконическом и прочих поворотах» (Бахманн-Медик, 2013). Наряду с этим на первый план вышел *переводческий поворот*, в рамках которого перевод стал рассматривается как в качестве важной аналитической категории, так и необходимой характеристики исследовательских и социальных действий. «“Перевод” оказывается категорией, чувствительной к разладам и трениям глобального мира (и одновременно ответственной за них), облегчающей микроанализ конфликтных взаимодействий между этносами, странами, классами, гендерными позициями и формами правления» (Бахманн-Медик, 2011). Более того, в новой познавательной ситуации, имеющей дело с каскадами описанных выше эпистемологических поворотов, один выбранный конструкт или категория не только служат для переосмысления других конструктов и категорий, но и позволяют по принципу «зашнуровывания» (*bootstrap*) знания осуществлять его полипарадигмальную интеграцию (Гусельцева, 2015). Иными словами, способность проанализиро-

вать одну концепцию с позиции другой и нанизать на решаемую задачу бусины различных исследований является общим методологическим принципом, свойственным постнеклассическому типу рациональности.

Все сказанное в полной мере применимо к анализу в рамках рациогуманитарического подхода Г. А. Балла. Каждая категория, сопоставленная, переплетенная, перехлестнутая в этом анализе с другими, рассматривается заново уже в их контексте, что и создает ту пресловутую постнеклассическую сложность, о которой писала процитированная выше Д. Бахманн-Медик. Это обуславливает подвижное место каждой категории в категориальной сети и тем самым служит избавлению от категориального авторитаризма, доминирования одной категории над другими. Именно таким путем в рациогуманитарическом подходе происходит защита рационализма от сциентизма. Ведь если принцип рациональности рассматривается как позитив для развития научного знания, то сциентизм – это односторонний перекокс, неоправданное доминирование принципа рациональности. Балансирование полярностей, заложенное в рациогуманитарическом подходе Г. А. Балла, выступает решением одной из актуальных задач современной методологии – преодоления разрывов ткани психологического знания (см. также: Марцинковская, Юревич, 2007; Юревич, 2007).

Следует отметить, что одной из ведущих категорий в рациогуманитарическом подходе является *диалог*.

Идея диалога также впервые зародилась на Западе, в древней Греции; в Новое время она «модифицировалась в теорию общественного договора, ставшую аксиомой европейской политической философии и правовой теории» (Балл, 2006, с. 372). Затем разнообразные варианты диалогической философии были развиты в концепциях диалогических отношений М. Бубера, диалога культур М. М. Бахтина, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В. С. Библер, соединивший идею диалога культур с логикой, в определенной степени является предшественником Г. А. Балла (см.: Библер, 1991).

Основой эволюции научной рациональности становится методологическое сомнение, отказ от претензии на истину, понимание, что никто из участников коммуникации заранее ею не обладает, а прийти к истине можно лишь посредством диалога. Типы научной рациональности, по мнению Г. А. Балла, имеют свои идеологические корреляты: «Истине как абсолюту соответствует *авторитарная* идея (в том числе тоталитарная как ее высшее проявление); относительной истине как атрибуту индивидуального субъекта – *либеральная*; наконец, истина как диалог имманентно связана с *гуманитарической* идеей. Каждая из названных идей находит специфическое воплощение в общественных отношениях, в том числе в сфере образования» (Балл, 2006, с. 73). Г. А. Балл не соотносит эти корреляты с такими типами рациональности, как классика, неклассика и постнеклассика, но этот впол-

не предсказуемый шаг сделаем за него мы (см.: Гусельцева, 2015).

Важнейшими предпосылками диалога как характеристики современного типа рациональности являются наличие личности, субъектности в культуре и представлений о свободе мысли и свободе выбора.

Проблема свободы в рациогуманистическом подходе

Проблема свободы стала основательно осмысливаться в психологии после второй мировой войны, вместе с зарождением гуманистической и экзистенциальной психологии.

До этого момента психология свободы обращалась к категориям свободы воли и необходимости, начиная с учения стоиков о внутренней свободе человека и продолжая философской традицией дифференциации видов свободы. Внешняя свобода и внутренняя свобода, свобода воли, творчества и выбора, свобода мышления, «свобода от» и «свобода для», – наконец, свобода как антропологическая характеристика человека и свобода конкретного субъекта, что уже непосредственно попадает в поле зрения психологии (подробнее об эволюции психологии свободы см.: Леонтьев, 2000). На сегодняшний день в психологическом плане свобода интерпретируется как самоопределение и самодетерминация субъекта. Между тем операционализация понятия свободы в психологии все еще представляет собой нерешенную задачу.

В свое время в небольшой статье «Что такое Просвещение?» И. Кант до-

казывал, что психологическая зрелость человека и его подлинная свобода начинаются с мужества пользоваться собственным разумом (Кант, 1966). С. И. Гессен, рассуждая о кризисе культуры, продемонстрировал опасности разрыва между развитием личности, с одной стороны, и свободой и разнообразием современной культуры, с другой. Отсюда был сделан вывод, что ответственность – это практика подготовки психологии свободы (Гессен, 1995). Ценность внутренней свободы и возможность пользоваться ресурсом психологической свободы имеет тот, кто обладает личностной автономией, самостийностью, субъектностью, кто несёт ответственность за выстраивание перспективы собственной жизни.

Если в философском смысле (например, в интерпретации Ж.-П. Сартра) свобода является сущностным качеством человека, то в психологии к состоянию свободы необходимо прийти: человеку предстоит сформироваться, чтобы воспринять свободу как свое сущностное качество (см., например: Леонтьев, 2000; 2010).

Гуманистическая традиция предполагает уважение к личности, толерантность к иному мнению, стремление не осудить, а понять, разнообразие возможностей, диалог. Важную роль в гуманистических культурных практиках играет разработка свободного и критического мышления. Представитель экзистенциальной психологии Р. Мэй характеризует свободу как способность человека к саморазвитию, включающую также самосознание, пластичность поведе-

ния, открытость сознания и готовность к изменениям (Леонтьев, 2000). В свою очередь, рациогуманистический подход Г. А. Балла позволяет раскрыть такие стороны свободы, как активность субъекта и его возможности организовать для себя такую среду, которая позволяла бы наиболее полно раскрыть его индивидуальные особенности (Балл, 2006). Важным положением этого подхода становится рассмотрение не только зависимости развития человека от среды, но и среды от самого субъекта, которая видоизменяется во взаимодействии с ним.

В общем теоретическом плане развития темы свободы латентно стоит и проблема человека и мира, имеющая в психологической литературе традицию работ С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003) и В. А. Роменца (Роменец, 1989). Взаимосвязь человека и мира Г. А. Балл понимает синтетически, как единый процесс, где один план психологического анализа обращается к обществу и рассматривает свободу, которую оно может дать индивиду, тогда как другой обращен к личности и изучает ту свободу, которой «личность способна овладеть и воспользоваться». Г. А. Балл обращает внимание на культурно-психологические границы этих процессов. «Известны люди, сохранившие себя как свободную личность в ужасающих условиях концлагерей и, к сожалению, несравненно большее число тех, кто даже при сравнитель-

но благоприятных внешних условиях остается психологически несвободным...» (Балл, 2006, с. 257).

В рациогуманистическом подходе психологическая, внутренняя и личностная свобода выступают как синонимы, а характеристиками свободного человека становятся инициативность, активность, склонность к творчеству и жизнетворчеству. В качестве одной из актуальных проблем современности Г. А. Балл отмечает тот факт, что в современном мире внешняя свобода опережает развитие свободы внутренней. При этом, как демонстрирует нам новейшая история, если внешняя свобода не поддерживается необходимым уровнем развития внутренней свободы у достаточного числа людей, то через какое-то время она схлопывается. Люди слишком легко и неоднократно в истории променявали свободу на безопасность, в итоге не получая ни свободы, ни безопасности².

Итак, свобода – это культурно-психологическое качество, которое предстоит развить как становящемуся в истории человеку, так и эволюционирующему человечеству в целом. Г. А. Балл, анализируя категорию внутренней свободы у стоиков, показывает, что одной только психологической свободы без активной социальной деятельности и ответственности для современного человека недостаточно. В контексте рациогуманистического подхода Г. А. Балл развивает представления о позитив-

² «They that can give up essential liberty to purchase a little temporary safety, deserve neither liberty nor safety» (Franklin, 1756, p. 20).

ной и негативной свободе. Позитивная свобода конструируется как пространство открытых возможностей, которое человек, во-первых, наполняет собственным личностным ресурсом; во-вторых, ему необходимо расширять это потенциальное пространство. Таким образом, нетрудно предположить, что расширять пространство свободы склонны те, кому есть, чем его наполнить. Отсюда просматривается взаимосвязь свободы и творчества (Балл, 1997; 2006).

Трактовка свободы как осознанной необходимости (стоики, Спиноза, марксизм) отражает гносеологические аспекты данной проблемы, описывая частный случай (а именно ту ситуацию, где возможности свободы сужены). Такого рода формулировка принципа свободы была рождена в контексте философии стоицизма и взята на вооружение тоталитарными идеологиями. Идеологическое расширение данного принципа на всю социокультурную жизнь выступает характеристикой негативных тенденций тоталитарного общества. Рациогуманистический подход, выявляя ограниченность данной трактовки свободы гносеологическими аспектами, тем самым делает принцип более конструктивным, раскрывая внутреннюю и внешнюю стороны свободы. Если внутренняя сторона свободы связана с отношением субъекта к миру, его активностью и обнаружением возможностей саморазвития, то ее внешняя сторона – это, прежде всего, свобода выбора. Таким образом, наличие вариантов должно необходимо сопровождаться

умением этот рациональный выбор совершить. И мы снова сталкиваемся здесь в психологической трактовке свободы с уравниваем *принципа гуманизма* (широта возможностей и стимуляция развития) *принципом рациональности* (разумностью выбора правильного варианта). Распространяя эти позиции на общество в целом, мы видим, что демократия как политический режим хороша именно тем, что люди в массовом порядке тренируют и практикуют свои существенные способности к свободе и ответственности.

Позитивные размышления относительно развития личности в свободном обществе Г. А. Балл обнаруживает в учении Э. Фромма, разграничившего понятия «истинной совести», по указанию которой человек нравственно выстраивает свой жизненный путь, и совести в качестве «надсмотрщика», осуществляющего «интериоризацию внешних социальных требований» (цит. по: Балл, 2006, с. 261).

В контексте рациогуманистического подхода Г. А. Балл дает следующее определение: «свобода, в самом общем смысле, – это совокупность условий (или внешних, или – если идет речь о психологической свободе – внутренних), способствующих гармоничному развертыванию и проявлению разносторонних возможностей личности (в частности, путем устранения препятствий для этого)» (Балл, 2006, с. 265). Важным замечанием Г. А. Балла является указание на изменчивость и культурно-историческую относительность содержания

свободы, в соответствии с чем «требования, которым должна соответствовать желающая сохранить внутреннюю свободу личность, оказываются в условиях демократического и тоталитарного общества не идентичными» (там же).

Также Г. А. Балл различает психологическую свободу как относительно объективное качество и субъективное чувство свободы (самоощущение). Опираясь на идеи С. Л. Рубинштейна, он описывает свободу в качестве высокого уровня активности субъекта (самоопределение в ситуации и в мире, в том или ином диапазоне возможностей) и выделяет здесь четыре вида активности: сверхнормативная, инициативная, волевая, творческая. Должны ли мы вынести отдельно надситуативную активность (см.: Петровский, 2010) – остается вопросом, поскольку она может быть представлена и как сочетание сверхнормативной и инициативной.

Таким образом, структура психологической свободы подразумевает дифференциацию мотивационно-потребностной и инструментальной сфер. Так, Г. А. Балл показывает, что «особенность психологически свободной личности состоит в сознательном использовании ею собственных инструментальных (физических и психических) свойств для реализации своей направленности, а также в преодолении и изменении тех из них, которые такой реализации мешают», что составляет активность самоуправления (Балл, 2006, с. 272).

В контексте развития темы свободы Г. А. Балл обращается к представ-

лениям об адаптивности и неадаптивном поведении человека в психологии. «Героический акт самопожертвования выступает как яркий образец антиадаптивного поведения, если система, которая фактически анализируется исследователем, охватывает героя (в его реальном физическом существовании) и враждебное ему окружение, в столкновении с которым он гибнет. Но тот же поступок предстает как адаптивный, если соотнести личность героя, скажем, с тем освободительным движением, к которому он принадлежит, и представители которого доминируют в его психологической среде» (Балл, 2006, с. 223). Характерной особенностью рациогуманистического подхода, как видно из приведенной цитаты, являются *диалектическая рациональность* и способность к стереоскопическому совмещению разных планов анализа, а также его *гештальтность*, проявляющаяся в том, что обсуждение той или иной психологической категории завершается ее осмыслением в общей категориальной сети (в терминах Г. А. Балла: «рационализацией системы психологических понятий»).

Разработка категории свободы неминуемо приводит к переосмыслению категории творчества, разных граней адаптации, личности и представлений о норме. Так, различие понятий *гомеостаза* и *гомеореза* позволило Г. А. Баллу развить представление об адаптации как поддержке изменений: «категория адаптации (если она трактуется широко – как единство процессов аккомодации и

ассимиляции – и, если учитывается зависимость, в объективном и субъективном смысле, среды от индивида) может быть успешно применена для характеристики активности субъектов, находящихся на разных, в том числе высоких, уровнях личностного развития» (Балл, 2006, с. 225). Таким образом, в развитии личности процессы адаптации и уравнивания являются другой стороной и предпосылками ее творчества. Г. А. Балл настаивает на необходимости разведения понятий *адаптации к среде* – адаптации в узком смысле слова, как приспособления к тем или иным особенностям окружающей среды, и *адаптации в среде* – адаптации в широком смысле слова, представляющей универсальный процесс развития. Тем самым Г. А. Балл реабилитирует понятие «адаптация» в психологии³.

Наряду с этим *нормосообразность* также выступает одним из компонентов эволюции творчества. Г. А. Балл

показывает, что по ходу развития личности все эти процессы сближаются и вступают между собой в интеграцию, тогда как, пока уровень развития личности низок, они еще слабо взаимосвязаны между собой. Превращаясь из внешних во внутренние, нормы задают стержень, опору как в развитии личности, так и в эволюции ее творчества. Они обозначают горизонты, которые сначала направляют движения роста, а на каком-то этапе должен быть преодолен.

Антиномия как методологический принцип не сформулирована Г. А. Баллом, однако присутствует латентно во всех его публикациях, рассматривающих проблемы свободы, адаптации, нормосообразности и творчества. Данная установка, – мыслить не дихотомически, а интегративно (Маслоу, 1999), – сближает предпосылки радиогуманистического подхода с идеями В. А. Роменца, в которых раскрывалась диалектика уникального и универсального в становлении

³ «В частности, если адаптация рассматривается как такой процесс уравнивания активной системы с ее средой, посредством которого поддерживаются определенные параметры функционирования этой системы, то в качестве особого вида адаптации предстает даже поведение отвергаемого обществом художника, сохраняющего, вопреки насмешкам, верность своему видению мира, или героя, идущего на физическую гибель, но не предающего своих товарищей и свои идеалы. Данное утверждение обосновывается, помимо прочего, тем, что этому человеку удается – вопреки крайне неблагоприятным внешним условиям – сохранить важнейшие личностные приоритеты и до последнего момента своей жизни, и во вкладах его личности в формирование личностей других людей. Творчес-

кая деятельность гения, выглядящая явно неадаптивной по отношению к его окружению, часто может быть впоследствии переосмыслена как адаптивная при учете тенденций социального и культурного развития, которые, может быть, ему первому удалось уловить. Широкое понятие (можно сказать: категория) адаптации (условием успешного применения которого является четкая характеристика взаимодействующих систем) оказывается, таким образом, одним из средств, позволяющих (не скатываясь на редуционистские, вульгаризаторские позиции) продвинуться вперед в научном объяснении поведения – не исключая и такого, в котором находят выражение высшие проявления человеческого духа» (Балл, 2006, с. 215–216).

человека: так, чем более развита индивидуальность, тем больше в ней всечеловеческого (Роменец, 1989). Как уже отмечалось в предыдущих разделах статьи, стержневая идея гармонизации полярностей пронизывает рациогуманистический подход, соединяя, казалось бы, несовместимое, и одновременно творя поле напряжения этих полярностей, выражающих целостность и динамику жизни.

Г. А. Балл обращает внимание на недостаточно оцененное в современной психологии подразделение А. Ф. Лазурским психического на эндопсихику и экзопсихику. Именно эти категории демонстрируют важность гармонизации процессов социализации и индивидуализации, интериоризации культуры и ее экстериоризации. «Как предупреждал Лазурский, длительное влияние на человека внешних условий, не соответствующих его эндопсихике, “не только превращает постепенно чистый тип в извращенный, но обычно также и понижает общий его психический уровень”» (Балл, 2006, с. 313). А. Ф. Лазурский также выделял уровни развития (активности) человека и обращал внимание на такой важный показатель, как потенциал развития человека – тенденцию к повышению собственного психического уровня. Г. А. Балл усматривает здесь описание феномена, который в дальнейшем получил название самоактуализации личности. Точно так же можно увидеть тенденцию повышения психического уровня в понятии «зоны ближайшего развития», в разрыве между реальным и потенциаль-

ным состоянием психики ребенка. Отметим, что на этот разрыв в свое время указывал Ж. Пиаже (Флейвелл, 1967), однако, в отличие от Л. С. Выготского, он не ввел специального термина, тем самым не зафиксировав его в психологии как феномен. Ж. Пиаже обратил внимание на тот факт, что, решая задачи в одном случае самостоятельно, а в другом – с помогающим взрослым, ребенок проявляет этот разрыв уровней развития, актуального и потенциального. Эмпатическое понимание клиента в подходе К. Роджерса также латентно содержит понятие «лага» (временного разрыва между событиями) – между диапазонами тех чувств, переживаний и смыслов, которые человек способен осознать самостоятельно, и тех, которые он открывает благодаря общению с психотерапевтом. Иными словами, все перечисленные феномены существенным образом сходны – они связаны с потенциалом развития человека. Одновременно здесь в неявном виде присутствует антиномия социализации и индивидуализации личности, ведь именно в таком общении – ребенка со взрослым, ученика с учителем, клиента с терапевтом – встречаются как нормосообразность, так и индивидуальная свобода быть и становиться собой. «Преодолеть обнаруженные трудности можно с помощью представления о слоистой структуре функционирования взрослого, осуществляющего диалогическое взаимодействие с ребенком» (Балл, 2006, с. 60). Г. А. Балл предлагает выделить здесь, как минимум, два слоя. «В одном из них взрослый явля-

ется равноправным партнером ребенка, в другом – осуществляет управление диалогом и выступает в роли социокультурного посредника» (там же).

Интерпретируя в концептуальных рамках рациогуманистического подхода взаимодействие процессов социализации и индивидуализации, Г. А. Балл разрабатывал представление о гармонии, выражающееся, например, в «закономерности, состоящей в том, что на низком уровне развития деятельности нормосообразность и творчество во многом исключают друг друга, а на высоком уровне – глубоко друг друга опосредуют» (Балл, 2006, с. 217). Аналогичным образом, на низких уровнях развития личности личностная свобода и личностная надежность выражают полярные тенденции, а на высоком уровне сходятся: «оба качества гармонично проявляются в нахождении и реализации личностью своего призвания, ведущего смысла своей жизни» (там же).

В свою очередь, развиваемое в контексте рациогуманистического подхода понятие «нормы деятельности» позволяет вскрыть и продемонстрировать внутреннее нормирование творческой активности субъекта (Балл, 1990а). Дифференциация понятий *норма-образец* и *норма-идеал*, *социальная норма* и *индивидуальная норма*, *норма следования* и *норма преодоления* создают конструктивную сложность анализа этих процессов. Понятие социокультурной нормы охватывает объекты как в пространстве от императивного до допустимого, так и в диапазоне от общечеловеческого до ин-

дивидуального, т. е. норм, продуцируемых самим субъектом. *Нормы-стандарты* ориентируют человека в текущей ситуации, тогда как *нормы-идеалы* позволяют ему преодолеть ее границы. *Нормы индивидуального прогресса* в развитии той или иной деятельности способствуют профессиональному самоконструированию человека. Такого рода детальная дифференциация, как и рефлексивное отношение к норме, позволяет субъекту не только выстраивать траектории персонального развития, но и вскрывать социальные и педагогические аномалии в обществе и государстве. Так, например, Г. А. Балл отмечает, что «в СССР тоталитарный режим на протяжении десятилетий целенаправленно формировал психологию “осажденной крепости” и чрезвычайных обстоятельств, пропагандировал идею “массового героизма” (в отличие от представления о герое как об идеале)» (Балл, 2006, с. 256), при этом «закономерности нормативной регуляции социально значимой деятельности» отличаются от культуры к культуре (там же).

Представления о культуре и развитии личности в концептуальных рамках рациогуманистического подхода

В концептуальных рамках рациогуманистического подхода Г. А. Балла обнаруживается потенциал для раскрытия дифференцирующих возможностей тех или иных понятий. Обращаясь к понятию личности, Г. А. Балл мимо-

ходом выявляет здесь более заметную связь украинского языка с основными европейскими языками, нежели с русским. Так, в европейских языках имеются отдельные понятия для характеристики человека как такового, со стороны общества, по степени личностного и индивидуального развития (соответственно: англ. *man, person, personality, individuality*; фр. *homme, personne, personnalité, l'individualité*, нем. *Mann, Person, Persönlichkeit, Individualität*), чему в украинском соответствуют термины *людина, особа, особистість, індивідуальність*, тогда как «особенности русского языка заставляют использовать слово “личность” в обоих значениях» (*особа, особистість*; Балл, 2006, с. 307), т. е. как указание и на системное, и на сущностное качество человека. (Заметим, что именно недостаточность разработки дифференцирующих понятий в сфере общей психологии является причиной зачастую непродуктивных дискуссий по вопросам: каждый ли человек является личностью? на каком этапе персоногенеза или культурогенеза рождается личность? – и т. п., в то время как общечеловеческое, аксиологическое и эволюционное содержание данного термина требует отдельных обозначений-фиксаций, т. е. терминологической дифференциации).

В концептуальных рамках рациогуманистического подхода Г. А. Балл показывает тесную связь категории личности с категориями свободы и культуры. Он развивает представление о психологической среде, которая меняется для субъекта в зависи-

мости от изменения его личностного смысла; вводит понятие «личностная надежность» (готовность к надлежащему исполнению тех или иных социальных функций) и анализирует ее отношение с личностной свободой. В рациогуманистическом подходе личность получает трактовку системного качества человека в мире его социального бытия. Личностная надежность рассматривается как составляющая социального капитала, что указывает на ее высокую общественную ценность. Понятия «психологическая устойчивость» и «личностная надежность» довольно близки, однако если первое характеризует индивидуальные качества человека, то второе – социально-психологические, формирующиеся в системе взаимоотношений человека и общества, характеризует социальное поведение субъекта.

Г. А. Балл показывает, что как государство, так и отдельные корпорации способны эксплуатировать личностную надежность: «фашистская идеология абсолютизировала принцип национального единства и требовала абсолютной надежности всех представителей нации, которым надлежало сплотиться воедино вокруг вождя подобно прутьям, связанным в пучок (по-итальянски – *fascio*)» (Балл, 2006, с. 298). При этом концентрационным лагерям и физическому уничтожению людей в истории культуры предшествовало пренебрежение их личностной свободой и субъектностью. В свою очередь, важным условием развития личности в рациогуманистическом подходе

считается поддержка пространства ее свободы: чем больше имеется в социальном бытии человека свободы, тем сильнее выражена его субъективность.

Важно отметить, что в развитии рационалистического подхода Г. А. Балл элегантно соединяет и разработанное в контексте социологии понятие социального капитала Дж. Коулмана (Коулман, 2001) и теорию морально-нравственного развития личности Л. Кольберга (см.: Анцыферова, 2004), показывая, что на постконвенциональном уровне личностная надежность поведения, оцениваемая с позиции соблюдения норм групповой морали, может понижаться, однако при этом возникает *обогащенная личностная надежность*, представляющая собой «сознательно избранный или самостоятельно сконструированный человеком принцип», которым человек будет руководствоваться в самых разных жизненных ситуациях (Балл, 2006, с. 298). В этом плане наивысший уровень личностной надежности – это верность человека своему призванию, смыслу жизни, предназначению. Таким образом, здесь мы снова видим, что личностная свобода не противоречит нормативности, а возводит последнюю во внутренний принцип саморазвития творческой личности. Верность самому себе («долг перед самим собой» в терминологии Стендаля), например, может внешне оцениваться как предательство других. Г. А. Балл обращает внимание на этот тонкий момент мотивационного анализа поведения: «верность человека смыслу

своей жизни, своему призванию была истолкована как наивысший (по степени обобщенности управления поведением) уровень личностной надежности. <...> Пусть наш герой в поисках смысла жизни разочаровался в какой-либо из ранее значимых для него ценностей и в ходе личностного развития “перерос” тот или иной из ранее важных для него смыслов. Это говорит, скорее всего, в его пользу. Одна беда: “диалектически снятые” смыслы связывали его с живыми людьми, которые теперь вправе обвинять его в недостаточной надежности, а то и в предательстве» (Балл, 2006, с. 300).

Гуманистический подход развивает диалогические стратегии, постулирует уважение к внутренней свободе и субъективности человека. Превентивное доверие и уважение к человеку как таковому – это та пресловутая банальность добра, на которой держится создающая устойчивое развитие современность демократических общества.

Помимо гуманистических и диалогических социальных стратегий управления, если пользоваться подразделением Г. А. Балла, в реальности широко представлены авторитарные (императивные) и манипулятивные стратегии. Так, при смене политического режима от советского к постсоветскому вместо развития гуманистических стратегий произошла подмена авторитарных стратегий манипулятивными. «Носители манипулятивных стратегий допускают и используют субъектность людей, на которых воздействуют в системах соци-

ального управления, но создают такие психологические условия их деятельности, чтобы эта субъектность служила в первую очередь целям манипуляторов и ее проявления не выходили за приемлемые для них рамки» (Балл, 2006, с. 301). Подобные стратегии способны привести к тактическому выигрышу в эффективности управления, однако проигрывают стратегически, подавляя и задерживая личностное развитие людей в социуме.

Основной характеристикой гуманистической психологии является ориентация на принцип гуманизма. Г. А. Балл пронизательно подчеркивает, что для распространения гуманистической психологии одной ее разработки недостаточно, необходима предпосылка определенного уровня развития общества (банальности добра⁴). «В гуманистически ориентированном обществе развитие личности (как следствие, причина и средство ее самоопределения) выступает как одна из главных целей ее (личности) жизни и жизни общества. А это означает, что член гуманистического общества выступает в первую очередь как субъект образования...» (Балл, 2006, с. 75). Эти идеи находят подтверждение в результатах Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), показавшего, что для достижения демократии недостаточно успехов экономического развития и политической воли элит. Основным фактором демократического режима является культурное состояние

общества, его готовность к переходу к постматериалистическим и постконвенциональным ценностям (см.: Гусельцева, 2017). К постматериалистическим ценностям относятся ценности доверия, терпимости, творческой самореализации, гуманизма и солидарности. Эти ценности присущи развитым постиндустриальным обществам, где демократия и качество жизни коррелируют между собой: «демократия делает людей здоровыми, счастливыми, терпимыми, доверяющими друг другу», а подрастающие при демократии поколения молодых людей, как правило, приобщаются к постматериалистическим ценностям (Инглхарт, 2002, с. 124). Однако для установления демократии в качестве стабильной социальной системы, в свою очередь, необходимы просвещенное население и социальный прогресс, готовность населения к гуманистической культуре. «Демократию невозможно учредить с помощью институциональных перемен или манипуляций правящей элиты. Ее выживание в основном зависит от ценностных установок и убеждений простых граждан» (там же, с. 126).

К числу основоположников гуманистической психологии Г. А. Балл относит также С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003) и В. А. Роменца (Роменец, 1989; Роменец, 2000). В рамках рациогуманистического подхода к развитию личности он обобщает идеи Г. Олпорта, А. Маслоу, В. Франкла, К. Роджерса. Нам же здесь важно отметить, что рациогуманистический подход

⁴ Данный термин используется в ряде работ в качестве оппозиции термину «банальность зла»,

предложенному Х. Арендт (см.: Беркович, 2003; Терещенко, 2010).

Г. А. Балла выходит за рамки теоретического интегратора психологии и становится латентной практикой рационального социокультурного действия, способствующей продвижению общества к постматериалистическим ценностям и демократии. И это еще одна латентная и перспективная линия развития творческого наследия Г. А. Балла.

Вместо заключения: непрекращающийся диалог

Универсальные методологические принципы и общесистемные тенденции, в каких бы терминах они не были сформулированы обладают свойством двуликого Януса: служить продуктивным сочетанием классичности и современности. Подведем итог сделанного Г. А. Баллом в направлении разработки радиогуманистического подхода в психологии.

Принцип радиогуманизма латентно пронизывает даже те работы Г. А. Балла, в которых он не использует этого термина. Радиогуманистический подход исходит из ряда методологических предпосылок, включающих бережное отношение к предыдущим интеллектуальным традициям, их интеграцию, разумное сочетание естественнонаучных и гуманитарных стратегий, внимание к ценностным основаниям практической деятельности и научной мысли. «Через размежевание и диалог к синтезу – такова, на мой взгляд, перспективная стратегия взаимодействия гуманитарной и естественнонаучной традиций в психологии» (Балл, 2006, с. 216).

Как было показано выше, радиогуманистический подход служит реализации такого рода стратегии.

В радиогуманистическом подходе ценность разных интеллектуальных традиций, пришедшая в постнеклассическом типе рациональности на смену их противопоставления и оппозиции, раскрывается посредством их диалога. В данном подходе это вполне действующий интегративный механизм. Более того, потянув за нить принципа диалога в радиогуманистическом подходе, мы обнаруживаем, что его предпосылками выступает все тот же круг взаимосвязанных положений: гуманизм, свобода, рациональность, культура. «Диалог есть общение свободных и рационально мыслящих людей», – пишет Г. А. Балл (там же, с. 273).

Открытая коммуникативность – отличительная особенность интеллектуального стиля Г. А. Балла. Рационализм и гуманизм при анализе истории психологии нередко рассматривались как оппозиции. В частности, В. А. Роменец (на что обращает внимание Г. А. Балл) показывал, что в истории психологии XX века основное противоречие представлено столкновением двух ориентаций: сциентизма и гуманизма (Роменец, 2000). Однако Г. А. Балл не только раскрывает в концептуальных рамках радиогуманистического подхода принципиальные отличия сциентизма и рационализма, но и показывает плодотворность их сближения в логике интегративных устремлений современной психологии.

Согласно Г. А. Баллу, ведущая характеристика научности – это достижение истины рациональными методами, и в этом смысле эксперимент не является обязательным атрибутом научного исследования⁵. В свою очередь, последовательный гуманизм неминуемо приводит к универсализму и планетарной идентичности.

В контексте рациогу머니стического подхода Г. А. Балл утверждает значимость развития гуманистических ориентаций психологии для гуманизации образования и культуры. В перспективе же эволюции психологической науки он предсказывает размывание границ между «гуманистическими» и «негуманистическими» психологическими направлениями. Гуманизация – важный тренд развития современной психологии. Это находит выражение и в том, что внутри психологии рождаются диалогические, синтетические и гуманистические культурные практики. «Если говорить об оказании помощи конкретному человеку, то главным для психолога, как и для врача, должно быть благо больного. Если ты не владеешь методом, наиболее подходящим для данного пациента или клиента, то передай его другому врачу или психологу. А если ты владеешь разными методами, то, важнее оказать помощь пациенту или клиенту, чем сохранить чистоту своего метода» (Балл, 2006, с. 379). С другой стороны, гуманистическая психология располагается между этажами гуманистического мировоззрения и гу-

머니стических практик. Этому соответствует уровень конкретно-научной методологии науки.

Итак, научность не тождественна scientизму. Г. А. Балл с методологических позиций рациогу머니стического подхода убедительно демонстрирует, что суть научной психологии – не в том, чтобы опираться на естественнонаучные и экспериментальные методы, а в том, чтобы для каждого сложного объекта найти свои, наиболее адекватные (т. е. ведущие к достоверности и насыщенности познания) методы. И в этом плане «насыщенное описание» (см.: Гирц, 2004) для анализа того или иного феномена культуры может быть не менее научным, чем количественные измерения в ситуации более простых объектов и отношений. По сути дела, не прибегая к такому термину, Г. А. Балл формулирует здесь основной принцип триангуляции (о применении этого принципа в психологии подробнее см.: Гусельцева, 2014; Мельникова, Хорошилов, 2009): стремление «к системному согласованию – в рамках синтетической теоретической модели – данных, получаемых разными методами», движение не к внешнему (упрощающему), а к внутреннему (взаимно согласовывающему знанию) монизму: «от эклектизма следует не опускаться до односторонности, а подниматься до системности» (Балл, 2006, с. 395), движение от фатализма к конструктивизму.

В контексте рациогу머니стического подхода Г. А. Балл выделяет диа-

⁵ «Мне не кажется правомерным считать эксперимент обязательным атрибутом науки во-

обще и научной психологии, в частности» (Балл, 2006, с. 380).

логические универсалии: принцип уважения собеседника; принцип принятия и ориентации на перспективу⁶; принцип открытости к творчеству и личным достижениям; принцип конкурдантности (поиск согласия, основанного на выработке общей системы ценностей); принцип толерантности (который трактуется здесь как презумпция приемлемости); принцип расширения культурного поля. «Рационализм, пренебрегающий гуманистическими ценностями и человеческой культурой как целостностью, ущербен и опасен; гуманизм, отворачивающийся от рационализма, ограничен в своих возможностях» (Балл, 2006, с. 400). Рациогуманистический подход гармонизирует эти противоположности, превращая их в разные стороны единого целого.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что творческое наследие Г. А. Балла подобно айсбергу в безбрежном океане психологического знания. Весь эвристический потенциал его наследия все еще не раскрыт, недостаточно осмыслен, таит в себе неведомые глубины, работа по экспликации которых предстоит новым поколениям исследователей.

Литература

Анцыферова Л. И. (2004). Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Кольбер-

га и его школы) // Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы генетопсихологии. М.: ИП РАН, 2004. С. 260–285.

Балл Г. А. (1990а). Нормы деятельности и творческая активность личности // Вопросы психологии. № 6. С. 25–36. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/906/906025.htm> (дата обращения: 01.05.2017).

Балл Г. А. (1990б). Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. М.: Педагогика.

Балл Г. А. (1997). Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. Т. 18. № 5. С. 7–19.

Балл Г. А. (2006). Психология в рациогуманистической перспективе: Избранные работы. Киев: Основа.

Балл Г. А. (2013). Рациогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии человековедения // Мир психологии. № 3. С. 208–223.

Бахманн-Медик Д. (2011). Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы. От антропологического поворота к cultural turns // Новое литературное обозрение. № 107. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/do5.html> (дата обращения: 02.04.2016).

Бахманн-Медик Д. (2013). Культурные повороты по следам «антропологического»: некоторые замечания // Новое литературное обозрение. № 122. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/>

⁶ Иллюстративным примером здесь может служить высказывание М. М. Пришвина: «Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно,

лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя» (URL: <http://www.erwr.ru/quotauthor/337/txt11.php>).

2013/122/7b.html (дата обращения: 03.11.2016).

Беркович Е. М. (2003). Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста: Заметки по еврейской истории двадцатого века. М.: Янус-К.

Библер В. С. (1991). От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат.

Гессен С. И. (1995). Основы педагогики: введение в прикладную философию. М.: Школа-пресс.

Гириц К. (2004). Интерпретация культур. М.: РОССПЭН.

Гусельцева М. С. (2014). Триангуляция как метафорический конструкт: история и методологические перспективы // Вопросы психологии. № 5. С. 3–14.

Гусельцева М. С. (2015). Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: дисс. ... докт. психол. наук. М.

Гусельцева М. С. (2017). Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. Т. 10. № 54. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1452-guseltseva54.html> (дата обращения: 04.11.2017).

Зелинский Ф. Ф. (1995). Из жизни идей: научно-популярные статьи. СПб.: Алетейя.

Инглхарт Р. (2002). Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований. С. 106–128.

Кант И. (1966). Сочинения в 6 т. Т. 6. М.: Мысль. С. 25–36.

Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (дата обращения: 30.04.2017).

Леонтьев Д. А. (2000). Психология свободы // Психологический журнал. Т. 21. № 1. URL: http://psylib.org.ua/books/_leond01.htm (дата обращения: 30.04.2017).

Леонтьев Д. А. (2010). Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. Т. 5. Вып. 3. С. 120–140.

Марцинковская Т. Д., Юревич А. В. (2007). Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии: конфронтация или ...? // Методология и история психологии. Т. 2. Вып. 2. С. 163–169.

Маслоу А. (1999). Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл.

Межуев В. М. (2012). Идея культуры. Очерки по философии культуры М.: Университетская книга.

Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. (2009). Соотношение эпистемологической и эмпирической сторон качественного исследования // Методология и история психологии. Т. 4. Вып. 3. С. 96–105.

Петровский В. А. (2010). Существует ли Я – субъект познания, воли, переживаний? // Методология и история психологии. Т. 5. Вып. 1. С. 136–148.

Роменец В. А. (1989). Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании. Киев: Здоров'я.

Роменець В. А. (2000). Вчинкова організація канонічної психології // Психологія і суспільство. № 2. С. 25.

Рубинштейн С. Л. (2003). Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер. С. 281–426.

Терещенко М. (2010). Такой хрупкий покров человечности. Банальность зла, банальность добра. М.: РОССПЭН.

Флейвелл Д. (1967). Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение.

Эпикур. (1983). Главные мысли // Тит Лукреций Кар. О природе вещей.

М.: Наука. С. 319–324. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1358239035> (дата обращения: 01.05.2017).

Юревич А. В. (2007). Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. Т. 2. Вып. 3. С. 3–17.

Franklin B. (1756). Pennsylvania Assembly: Reply to the Governor [November 11, 1755] // Packard Humanities Institute: The Papers of Benjamin Franklin // Votes and Proceedings of the House of Representatives, 1755–1756 (Philadelphia, 1756), pp. 19–21. URL: <http://franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp?vol=6&page=238a> (дата обращения: 30.04.2017).